

Все имена, персонажи и события этой книги сочинены автором. Любое совпадение с реальностью может быть только случайным.

— *Цветик-Семицветик, почему меня мамка не любит?*

— *С чего ты взял?*

— *Не любит, знаю.*

— *Скажешь тоже! Папка тебе вон тумачков дает, а мамка — нет!*

— *Все одно!*

— *Ерунду говоришь. И мамка любит, и папка любит.*

— *И ты?*

— *И я. Спи.*

* * *

Майским солнечным днем директор крупного коммерческого банка г-н Хрупов выглянул в окно своего офиса, располагавшегося недалеко от Арбата. На улице уже собралась небольшая толпа: журналисты в полном техническом снаряжении хищно поджидали его появления (в банк их не пустила охрана), а чуть поодаль притулилась горстка старушек с плакатом «Отдай народное добро!». А дело все в том, что одна ретивая газета провела «журналистское расследование» и опубликовала накануне информацию о том, как г-н Хрупов сколотил состояние, выманив обманным путем ваучеры у простого, экономически не подкованного народа, а затем бессовестно нажился на заработанных кровью и потом рублях, которые нищие доверчивые пенсионеры поместили в его банк.

Материал прозвучал громко, и сегодня прямо с утра к банку потянулись журналисты — эти сволочуги, эти пираньи, готовые вонзить свои ядовитые зубы в жирненькое, холеное тело преуспевающего банка и его директора.

Если бы он мог отсидеться в своем кабинете до вечера, он бы непременно так и сделал. Но предстоящую важную встречу никак нельзя было отменить, и потому к народу придется выйти. Недовольно хмыкнув, директор нажал на кнопку селектора и коротко переговорил со своей охраной, объяснив предстоящий демарш: он ответит на два-три вопроса журналистов, но к нему никого не подпускать и быстро расчистить путь к машине.

Он уже заготовил нужную фразу и нисколько не нервничал — его за просто так не возьмешь! Покидая кабинет, Хрупов повернулся к зеркалу, надел на лицо снисходительно-уверенную улыбку и, прочно зафиксировав ее в лицевых мышцах, с достоинством направился к выходу.

На улице, у сверкающего чистотой и мрамором подъезда банка, он под нестройное блеяние кучки фрондирующих старушек уверенно послал в вытянувшиеся к нему микрофоны несколько коротких, крепко сколоченных фраз о бездоказательности обвинений прессы и своей исключительной заботе о благе народа. После чего мелко засеменил в окружении охраны, прокладывая путь к его белому «Мерседесу». Шофер, завидев хозяина, уже услужливо распахнул дверцу, но внезапно Хрупов остановился. Настолько неожиданно, что на него налетел охранник, шедший сзади. Хрупов почувствовал неприятный, жгучий укол в шею, как если бы его ужалила пчела. Он поднес руку к месту укуса, почувствовал в нем инородное тело, размазал капельку крови, выступившую на коже, удивленно посмотрел на

окровавленный палец и даже почти успел крикнуть охраннику, чтоб тот глянул, что приключилось с его шеей...

Как вдруг захрипел, ноги его ослабли, подогнулись, и он, цепляясь за одежду своих телохранителей, осел на землю, ощущая странную судорогу в горле. Охрана бросилась к хозяину, взяла под локотки, бережно доволокла его, скрюченного от судороги, до белого кожаного сиденья «Мерседеса», подальше от глаз журналистов и народных мстителей в лице старушек. И уже внутри, защищенная от не в меру любопытных глаз железным панцирем и затемненными стеклами машины, приступила к расспросам: чего такого с хозяином приключилось, что он затеял наземь садиться на глазах у протестующего народа?

Хозяин, хватаясь за горло, промычал в ответ что-то нечленораздельное.

И умер.

* * *

Майским солнечным утром депутат Думы г-н Иголкин выглянул в окно своей квартиры на Патриарших прудах: машина уже стояла у подъезда, скромный, как полагал депутат, темно-синий с металлическим отливом «Фольксваген». Депутат Иголкин, утерев лоснящийся после обильного завтрака рот, привычно чмокнул круглолицую жену, прихватил кейс с бумагами и резво сбежал с четвертого этажа: сердцу полезны небольшие тренировки.

Размахивая кейсом, он шел к машине, излучая довольство самим собой, своим положением, своим завтраком и даже нелюбимой женой. Мельком глянул на сидевшую на скамейке сгорбленную фигуру: не знакомый ли, не кивнуть ли с ослепительно-приветственной улыбкой народного избранника? Фигура в мешковатом, не по погоде пальто и черных очках показалась

незнакомой, и Иголкин переключился на двух соседей, шедших навстречу, коим послал сладкую улыбку в ответ на их две, не менее сладкие. После чего он брезгливо обошел собачонку, семенившую на поводке у девочки, не забыв, однако, потрепать ребенка по голове: ребенок был соседский, а к своему имиджу в глазах соседей он относился весьма ответственно — это ведь первейший источник слухов и сплетен! Девочка неприязненно отстранилась от его равнодушной руки, но он не заметил или сделал вид, что не заметил.

На подходе к «Фольксвагену» Иголкин вдруг почувствовал неприятный, обжигающий укол в ногу, как если бы его ужалила пчела. Депутат не поленился, задрал брючину, чтобы посмотреть, что же приключилось с ногой, но брючина не поднималась достаточно высоко — не снимать же штаны на глазах у народа! Решив, что посмотрит в машине, Иголкин выпрямился, сделал три оставшихся до нее шага, но отчего-то потерял равновесие и клюнул прямоком носом в крышу «Фольксвагена».

Шофер, уже изготовившийся открыть заднюю дверцу, подскочил, подхватил незадачливого шефа — перепил небось начальник накануне, с ним это случилось! Хотя обычно он держался на зависть хорошо, и если бы салон машины не заполнял удушливый запах перегара, то и сам шофер ни в жисть бы не догадался!

Он помог Иголкину сесть на заднее сиденье, поинтересовался, как самочувствие. Получив затрудненный ответ, что все ничего, вот только странная сухость во рту и дышать тяжело, усмехнулся: знаем мы эту сухость с утречка, она нам всем знакома, горючего слишком много на грудь приняли накануне, господин начальник!

И только когда он доехал до места назначения и выскочил, чтобы распахнуть перед шефом дверцу, он понял по остекленевшему взгляду, что шеф того...

Помер шеф, одним словом.

* * *

Пасмурным майским днем генерал в отставке г-н Зайков отправился прогуляться до ближайшего магазина, находившегося практически напротив дома, только дорогу перейти. Покупок нужно было сделать совсем немного — так, мелочи, которые ему нужны были для дачи, куда он собирался отбыть завтра с утра. Он пристроился к кучке пешеходов, ожидавших зеленого, чтобы перейти на противоположную сторону. Неожиданный резкий прострел под правой лопаткой укрепил его в мысли, что ходить надо побольше: соли, артриты-радикулиты — все это, знаете, только движением можно изжить. Движение — жизнь. Он это еще с солдатских времен усвоил. С этой здоровой мыслью он и вошел в магазин.

Однако там он сразу почувствовал сухость во рту, головокружение, слабость и, бросив тележку, чертыхнулся и направился к выходу: ясно, что очередь в кассу ему не выстоять. Неужто грипп? Придется поездку на дачу отложить... Сейчас срочно водочки с перцем и витамин С — и поспать. К вечеру посмотрим, авось обойдется...

Жестокая судорога в горле прихватила его уже у подъезда. Он никак не мог вздохнуть, никак не мог ухватиться за скользкую от сырости круглую ручку тяжелой подъездной двери. Руки не слушались. Ноги тоже.

...Он так и умер, повиснув на дверной ручке.

* * *

— А помнишь, Цветик-Семицветик, когда я был маленький, я тебя спрашивал...

— Ты и сейчас маленький.

— А вот и не маленький! Большой!

— Ну, пусть. Дак чего ты спрашивал?

- *Почему мамка меня не любит?*
— *Во заладил!*
— *Я знаю, что не любит.*
— *А почему ты знаешь?*
— *Тебя любит, а меня нет. Я плохой?*
— *Хороший, хороший, вот наказание-то! Да не крутись в кровати, раз хороший, дай мне спать! И сам спи!*

* * *

— Третий... — произнес вслух Алексей Кисанов, читая газету.

— Третий что? — внезапно отозвались звонким юным голосом глухие недра его квартиры.

Алексей Кисанов (в дружеском просторечии Кис) уж было собрался вздрогнуть от неожиданности, как голосок добавил: «Или кто?», выдернув его память из короткого амнезийного обморока: это же Юля, его свежеиспеченная секретарша!

— Человек. Третий человек убит. За последний месяц, — недовольно откликнулся детектив. Недоволен он был самим собой: никак не мог привыкнуть к наличию секретарши.

— Удивляюсь я тебе, Кис, — затеял пару недель назад разговор Ванька, его жилец и по совместительству ассистент, студент юрфака и по совместительству прогульщик. — Бабок у тебя теперь навалом: имя звучит, как модная торговая марка, клиент ломится, как в гримерную к суперзвезде! Тебя уже можно под бой барабанов торжественно принимать в «новые русские»! А ты все живешь — совок совком. Ты хоть глянь вокруг себя, оторви глаза-то от компьютера: в квартире давно пора ремонт делать, желательно европейский! Мебель еще давнее требуется сменить — ну хотя бы в офисе!

И секретаршу надо завести, Кис! Чтобы двери открывала, ослепительно улыбалась и гостя к тебе в кабинет провожала! А то несолидно как-то: открываешь сам, в джинсах, в тапках... Нет бы галстук, костюмчик, ботиночки начищенные...

— Угомонись, чертяка! — грозно рыкнул Алексей, все еще пытаясь вникнуть в смысл изучаемых бумаг.

Ванька и впрямь со своей кудлатой башкой и быстрыми смешливыми глазами был похож на чертенка.

— Да нет, я серьезно! — Ванька разошелся и не собирался отступать. — Тебе пора менять имидж! Вот когда ты с Александрой идешь «на выход», на светские мероприятия, — так любо-дорого посмотреть: та-а-акой мэн, суперстар, прямо хочется интервью у тебя взять! Ты же умеешь классно выглядеть! На иных хоть самый дорогой костюм нацепи — все мешок мешком, а на тебе костюмчик — как родной...

— Родные так дорого не стоят, — хмыкнул Алексей, — они бесплатно выдаются при рождении... А джинсы что же, как двоюродные, что ли?

— Кис!!! — возопил Ванька. — Джинсы — это рабочая одежда! В них ра-бо-та-ют!!!

— Так а я что в них делаю? — простодушно поинтересовался детектив. Его забавлял юный Ванькин пыл. — Как раз и работаю...

— Ты издеваешься, да? А я, между прочим, прав! У кого хочешь спроси — солидному человеку нужен имидж. Специалисты по имиджу знаешь, сколько зарабатывают? Миллионы! А все почему? Потому что я прав!

— Тогда они с тобой должны делиться, — заключил Кис. — Раз зарабатывают на твоей правоте. Проси проценты, Ванек!

— Издеваешься, понятно... Ты бы хоть раз послушался умных людей, а? Да куда там, ты же себя самым умным считаешь! А сам живешь, как шнурок какой-то,

будто не видишь, что вокруг тебя делается! Сейчас каждая сопля и то старается себя подать, пыжится из всех сил, а уж тебе-то, известному детективу, сам бог велел о своем престиже позаботиться!.. Иначе тебя никто уважать не будет!

— Тебя послать или сам сходишь? — рывкнул Кис. — И где ты только этой лабуды набрался?

— Ага, как чего не по-твоему, так сразу — «лабудя!» — обиделся юный наставник Кисовой жизни. — К тебе какие люди ходят!

— Какие?

— Солидные, вот какие!

— И что, у них на одну ногу больше, чем у меня? Или на одну голову? Или чего у них такого есть, что я должен ради них менять свои привычки? Они умнее? Лучше? Может, честнее?

— Ой, уморил! — Ванька комично ухватился за живот. — Ой, не могу! Вы слышали? Нет, вы такое слышали? «Умнее, лучше, честнее!» Кис, тебе сколько лет? Уже полтинник не за горами, а рассуждаешь, как... как... Я даже не знаю, как кто!

— Как нормальный человек, — проинформировал Кис.

— В таком случае, дорогой Алексей Андреевич, все остальные — ненормальные!

— Согласен, — с присущей ему скромностью одобрил детектив Ванькино умозаключение.

Кажется, на этот раз Ванька не нашел что ответить. Кис, хитро кося глазом в его сторону, ждал, какой еще философский фортель выкинет начинающий специалист по престижу.

— Они — хозяева жизни, — выдал наконец Ванька. — И когда ты являешься перед ними в таком непотребном виде, смотрят на тебя, как на прислугу, — добавил он с обидой в голосе.

Обижался он, ясное дело, за Алексея, к которому был сильно привязан.

— Они приходят ко мне с просьбой о помощи, балбес. Запомни, в жизни пригодится: *проситель всегда находится в слабом положении*. Как там насчет «хозяев жизни» — не знаю, но хозяин положения — я. И от меня зависит, окажу я им помощь или нет.

Ванька задумался.

— Понял, — сказал он через минуту. — Чего ж не понять... А все-таки имидж не помешал бы!

— Мой имидж, если тебе так нравится, — это его отсутствие. Тот, кто приходит ко мне за помощью, ждет от меня дела, а не начищенных ботинок. И я свое дело знаю. Вот и весь имидж. А прибамбасами пусть обзаводятся те, кого больше не за что уважать. Тема закрыта.

— А секретарша? — жалобно спросил Ванька. — Подумай, тебе же и в самом деле нужна секретарша, Кис! Ты же зашиваешься! А меня как раз одна девчонка с курса просила ей работу помочь найти... Она иногородняя, ей зарабатывать надо, родители не могут ее содержать... А?

— С этого и надо было начинать, — рассмеялся Алексей.

Дела в последнее время пошли до такой степени обильно и прибыльно, что он и впрямь начал не на шутку зашиваться, особенно с писаниной и классификацией бумаг.

— А то развел тут пропаганду нездорового образа жизни... — ворчливо добавил он. — Хотя ремонт, пожалуй, надо будет сделать... Когда-нибудь. А подружка твоя пусть приходит. На полставки, раз студентка. И ползарплаты, разумеется. Испытательный срок — неделя.

Так и появилась в квартире Алексея Кисанова секретарша Юля. Слово «свежеиспеченная» шло к ней необыкновенно: она и впрямь была похожа на свежую

маленькую булочку со смугло-румяной корочкой и с черными любопытными изюминами-глазами. И имя Юля ей шло: крохотулечного роста, с пухлыми щечками и заметно выдающейся грудью, она была на редкость подвижна и стремительна и в движениях напоминала раскрутившуюся юлу. Как управлялась Юля в университете с премудростями законодательной науки, Кис не знал, но в делопроизводстве девица оказалась весьма толковой. И он не без некоторого удивления заключил, что секретарша — вещь и впрямь хорошая и в хозяйстве полезная.

...Недра квартиры фыркнули в ответ Юлиным голосом:

— Только третий? За месяц? Я думала, что в Москве убивают как минимум пяток в день! Врут, что ли, газеты?

— Не врут. Просто это уже третий случай с одним и тем же, довольно необычным, способом убийства — отравленной иглой. Занятно. Сделайте кофейку, Юлечка, — добавил Кис и направился к кухне, из которой незамедлительно донеслись звуки воды и звон посуды. Юля была девушкой расторопной и исполнительной.

В своей огромной трехкомнатной квартире на Смоленке Кис не нашел для секретарши более подходящего места, чем кухня. О нет, не потрясайте грозным оружием мщения, амазонки и ярые феминистки! Кис женский пол всяко уважал и даже был где-то как-то за равенство полов... С одной лишь поправкой, которую не объедешь: равенства в людях вообще и в полах в частности никогда не было и не будет. Равные права — да, конечно, это мы со всей душой «за», а вот равенство... Все, молчу, молчу. Не хотите, чтобы вам сумку тяжелую поднесли, сами будете кряхтеть? Ладно-ладно, пожалста! Пальтишко не подать? Ну, что вы, конечно же, я не стану вас унижать подачей пальтишка, как скажете. Стоять у плиты не желаете? Ну...

Извините уж, но в обязанности новой Кисовой секретарши входит и приготовление всяких чаев-кофеев. Она свои ползарплаты за это, между прочим, получает. Так что у нас все тип-топ, девушки, сплошная демократия. Складывайте ваше оружие, феминистки, прячьте маникюрные ножницы и коготки наточенные уберите прочь.

А кухня в качестве места обитания выпала Юле по одной простейшей причине: нехватки места. Одну комнату занимал Ванька, расплачиваясь за нее с Алексеем разными услугами в сыщицкой работе и в компьютерных премудростях; вторую — сам Алексей, третья же гордо именовалась офисом его детективного агентства АКИС (Алексей **КИ**Санов, понятно, да?). Присутствие постороннего человека в офисе Кис не вынес бы — не нужна ему была девица под носом целый день напролет, девица к тому же любопытная, неумеренно склонная к задаванию вопросов. Да и места в офисе было маловато, и хоть Юля росту всего ничего, да ведь не посадишь секретаршу просто на стул — ей еще и стол нужен... Вот и нашелся стол — кухонный. За ним Юля отвечала на телефонные звонки с 15 до 19, регистрировала в большой тетради клиентов, расписание встреч детектива и прочие дела, вела несложный бухгалтерский учет. А также готовила кофе и бутерброды для Алексея и, случалось, для Ваньки, когда бездельник прогуливал занятия и при этом невзначай оказывался дома. Надо сказать, что в эти редкие дни бутерброды получались почему-то особо вкусными, а сервировка стола — более изысканной.

— То есть один почерк? — проявила чудеса сообразительности Юля, ставя чашку с кофе на стол.

— Правильно, — похвалил будущего юриста Кис, пододвигая к себе тарелку с бутербродами.

— Будете расследовать? — почтительно спросила Юля.

— Милая Юля, я вам уже объяснил, что расследую только то, о чем меня просят и за что мне платят. Мы частная фирма, работаем по заказу. И, бог миловал, никто мне расследовать эти убийства не поручал.

— Разборки? — выдвинула версию Юля.

— Если разборки, то очень своеобразные. Слишком уж показательные.

— Мафия? — пожелала уточнений секретарша.

Кис не успел ответить, жуя бутерброд, как зазвонил телефон, и Юля бросилась к аппарату.

— Детективное агентство АКИС, слушаю вас, — приветливо пропела она в телефон. Юле работа была еще в новинку, клиентура Алексея поражала ее девическое воображение, и от повышенного почтения голосок ее нежно подрагивал. — Алексей Андреевич, это вас! — И, прикрыв трубку ладонью, прошептала: — Алексанна Кириллна звонит.

Иными словами, Александра. Талантливая журналистка, красавица и любимая женщина.

Нет, лучше так: любимая женщина, талантливая журналистка и красавица.

Вчера они не виделись: она была на приеме в каком-то посольстве, он сидел над скучнейшей, но необходимой частью своей работы — отчетами. Дело ведь не только нужно раскрыть, но и отчет заказчику написать. К счастью, не все клиенты отчетов требовали — лишь те, кто желал предъявить плоды расследования в зубы неверному супругу, нерадивому служащему или подлому конкуренту. Писанину эту Кис страстно ненавидел всей душой, но переложить ее целиком не мог ни на Ваньку, ни на Юлю: во многих делах требовалась строжайшая конфиденциальность. Вот и пылился вчера Кис над бумагами в одиночестве.

Трубку принял из Юлиных рук радостно: решил, что любимая женщина звонит с тем, чтобы условиться на

сегодняшний вечер. Но любимая женщина не замедлила напомнить, что, кроме сего лестного статуса, она имеет еще статус журналистки, причем куда более известна широким массам именно в этом, последнем, качестве. И что звонит любимая женщина как раз в этом самом последнем качестве и исключительно по делу. Дело же заключается в предложении поработать на весьма популярное и крупное еженедельное издание, которое намерено провести журналистское расследование.

— А при чем тут я, если расследование журналистское? — подозрительно спросил Кис.

— Ну это только так называется, потому что ведет его журнал или газета и отвечают за него журналисты. А уж кто и как будет добывать факты и правду — неважно.

— Плагиат это называется, — проворчал Кис. — Расследуют сыщики, а зовется журналистское.

— Что, славы не хватает? — усмехнулась Александра. — Мало слупил тогда на телевидении?¹ Или с той поры разлакомился?

— Времени не хватает, вот чего, — буркнул Кис. — А со славой как раз перебор, завален по горло, ты же знаешь! Напрасно ты меня рекламируешь своим коллегам...

— Не прибедняйся, солнышко, разве ты нуждаешься в рекламе? Ты у нас звезда экрана! И всем хорошо известно, что я являюсь особой, приближенной к звезде. Вот меня и просят посодействовать... Алеша, это очень серьезно. — Обычная усмешка вдруг ушла из ее голоса. — И бабки редакция готова отстегнуть немислимые.

---

¹ См. роман Т. Гармаш-Роффе «Ведьма для инквизитора», в котором детектива берут в заложники во время популярной телепередачи.

— Чего расследовать-то? — буркнул Алексей, внутренне сдаваясь. Каждый из стимулов в отдельности был сам по себе вполне достаточен: и просьба Александры, и «немыслимые бабки». А уж взятые вместе...

Однако оказалось, что расследовать надо ни много ни мало как те самые загадочные убийства очень важных персон. Вип, иными словами¹.

— Нет, — быстро сказал Кис.

— Алеша, — строго начала Александра, — Алеша!!!

Кис, не дослушав, пустился загибать пальцы:

раз: дело сложное, что издалека видно и нос чует, и тогда придется бросить все текущие дела, а их много;

два: там уже столпилась вся московская милиция с прокуратурой, брошены лучшие силы, и федералы наверняка не сидят сложа руки, и крутиться у этой компании под ногами ему вовсе не улыбается, да и компания не потерпит;

три: к випам не подступишься, к семьям не подберешься, на все нужно испрашивать разрешение, согласие, а люди это по большей части капризные, охранниками забаррикадированные. И он, Кис, не самоубийца, чтобы...

— Утомил, — сказала Саша, — поняла. А все же подумай, ладно? Не забудь: бабки бешеные!

— Подумаю, — заверил Кис. — Что у тебя сегодня вечером?

Но она уже отключилась.

«Что за жизнь собачья!» — вздохнул Кис.

Алексей Андреевич Кисанов, частный детектив и мужчина в расцвете сил, самым бессовестным образом с собой лукавил и кокетничал: жизнь ему вполне нра-

---

¹ Аббревиатура от английского *Very Important Person* — дословно: очень важная персона.

вилась, вместе с работой, нехваткой времени, азартными играми расследования, Александрой по вечерам (и ночам, разумеется), свободой души и совести от начальства вкупе с неплохими заработками.

Последнее было редким сочетанием.

Предпоследнее было редким счастьем.

...Им постоянно друг друга не хватало. Не каждый вечер удавалось провести вместе или сойтись хотя бы ночью в постели — жизнь на две квартиры определяла свои правила. Кис обзавелся вторым бритвенным прибором, который поселился в ванной Александры, а в ванной Алексея устроились разные женские штучки: кремчики, лосьончики, ваточки, флакончики... Перечень, разумеется, неполный, но на полный не хватило бы и толстой амбарной книги. В шкафах у каждого вещи-старожилы потеснились, чтобы дать место вновь прибывшим: футболки и джинсы Киса ужались, высвободив полочку для трусиков, лифчиков, кофточек, а костюмы уплотнились, впустив несколько женских нарядов, которые не замедлили пропитать вещи Алексея запахом женских духов. Шкаф Александры также засвидетельствовал свое гостеприимство, приняв в свою утробу небольшую стопку мужского белья, рубашки, пару костюмов и несколько галстуков. Частенько один из них с утра хватался именно той вещи, которая обитала в данный момент, как назло, в другой квартире. Иногда примитивная нехватка какой-нибудь одежды вынуждала разъезжаться ночевать каждого к себе, чтобы с утра иметь под рукой все необходимое.

Тем не менее такая жизнь их устраивала. Ни один из них не хотел покуситься на свободу другого, излишне связать своим постоянным присутствием, обременить совместным бытом: слишком долгой была жизнь до их союза, у каждого своя, независимая и одинокая. И, постоянно голодая друг по другу, в результате они нахо-